

С. СОКОЛОВ,
рабочий Трубочного завода

ВАСИЛЕОСТРОВЦЫ У СМОЛЬНОГО

Двадцать третьего октября 1917 года Трубочный завод нельзя было узнать. Оживленные разговоры слышались повсюду, все были воодушевлены, и только группа соглашателей из 4-й мастерской шепталась в сторонке.

В этот день Красная гвардия завода проверяла свои силы и знания перед решительной битвой.

Перед фронтом речь держит райкомовец:

— Пришла пора, когда Красная гвардия должна показать буржуазии на деле свою силу и мощь. Не сегодня — завтра будьте готовы двинуться для решительной борьбы за власть Советов!

Этих слов было достаточно. Единодушное «ура» эхом прокатилось по рядам стоящих рабочих.

После представителя райкома, несмотря на протесты рабочих, слово взял один меньшевик и пытался, приведя ряд «объективных и субъективных обстоятельств», напугать рабочих несвоевременностью наступления и т. д. и т. п. Слушали на этот раз спокойнее, чем всегда. Ободрившись, оратор перешел к провокации, указывая, что рабочие в своей массе не пойдут на штурм. Долго сдерживаемое негодование прорвалось.

— Довольно!!! — прокатилось по всему собранию, и было видно, что слушать больше не будут. Продолжение его речи только раздражало красногвардейцев, и после тщетных попыток говорить оратор удалился.

— Защитник рабочего класса вышел!.. Сидеть бы тебе на печке!!! — провожали его рабочие.

Много не говорили. Спокойно выслушали распоряжение «быть завтра с утра на местах, а на случай, если что будет ночью, — слушать заводский гудок».

Еще раз распределили десятки и сотни и направились по домам отдохнуть перед решительной схваткой.

Утро 24 октября. Думать уже некогда. Как всегда, прогудел гудок завода, созывая на работу. Ночь прошла спокойно, но работать на заводе уже не пришлось. Подготовка к поездке в Смольный началась с утра, и после обеда грузовики один за другим отвозили туда красногвардейцев.

— Не возвращаться без победы! Мы здесь тоже не сдадим. Извещайте нас о ходе дела! Присылайте товарищей!

Проезжая по улицам, мы чувствовали какую-то суетливость и напряженность, — готовилось что-то большое и важное.

Смольный — центр жизни рабочего Питера. Отряд за отрядом, делегация за делегацией стремились туда. Стало ясно, что движение захватило всех рабочих.

В первом этаже Смольного было наше убежище. Оно напоминало огромный пчелиный улей. Здесь собрались почти все отряды заводов. Не прошло и десяти минут по нашему прибытию, как мой взвод уже получил назначение и отправился в наряд по Суворовскому проспекту. Я, как взводный, должен был быть и разводящим своего взвода. Дело знакомое, быстро наметил группы по сменам и направились для развода.

Вернувшись обратно и располагая свободным временем, я решил побродить по Смольному. Мое внимание привлек съезд делегатов 12-й армии, происходивший отдельно от съезда Советов. Зашел туда. На трибуне говорил меньшевик. Чего он только не говорил, но главное — об армии на фронте, подчеркивая, что выступает от имени армии: «Армия не примет постановления съезда Советов. Совету не существовать и несколько дней».

Выступавшие после него солдаты просто ответили на все эти рассуждения меньшевика: «Если съезд Советов не возьмет власть, армия придет сюда, чтобы прогнать забывшихся министров». Представитель 12-й армии заявил, что армия готова умереть за власть Советов.

Окончить делегату 12-й армии не удалось; по коридору неслось восторженное «ура», усиливавшееся с каждой минутой. Съезд высказался за передачу власти Советам. Ответное «ура» загремело в зале, разговоры были кончены, надо было начинать действовать.

Все последующие события смешались в моей памяти, они так быстро чередовались, что охватить их даже теперь не представляется возможности. Я думаю, что если многих участников великого дня спросить, что они делали в этот момент октября, они не сумели бы ответить, — так разнообразна была работа. Задание за заданием сменялось в эти дни: то берешь телефонную станцию, то через несколько минут уже на другом конце города исполняешь мирную работу по раздаче продуктов порой бесценно стоящим караулам, то через час в противоположном конце сам стоишь на часах за неимением людей.

После, возвращаясь на завод, я мог оглянуться назад и невольно подумал: «Совершилось великое дело, и в этом деле ты что-то сделал».

И оправдались надежды рабочих завода, пославших свою гвардию на эту борьбу.

